

Двум смертям не бывать...

6 ноября 2016 Источник: <https://topwar.ru/103193-dvum-smertyam-ne-byvat.html>

Как 400 русских солдат защитили Грузию от 20-тысячного войска

Начало XIX века для Российской империи – это не только войны с наполеоновской Францией. С 1804 по 1813 год шла русско-персидская война, которую некоторые историки считают началом «Большой игры» между Британской и Российской империями в Азии. В ходе боевых действий русские солдаты и офицеры не раз проявляли высочайшее мужество и самопожертвование. Об одном из таких малоизвестных сегодня примеров беспримерного героизма рассказал в своё время генерал от кавалерии Василий Потто, начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, в первом томе своего труда «Кавказская война».

В Карабагском ханстве, при подошве каменистого пригорка, возле самой дороги из Елизаветполя (ныне азербайджанский город Гянджа. – Ред.) в Шушу стоит древний замок, обнесенный высокой каменной стеной с шестью полуразрушенными круглыми башнями. Возле этого замка, поражающего путника грандиозно-массивными контурами, бьёт ключ Шах-Булах, а несколько далее, верстах в десяти или пятнадцати, приютилось татарское кладбище, раскинувшееся на одном из придорожных курганов, которых так много в этой части Закавказского края. Высокий шпиль минарета издали привлекает внимание путешественника. Но немногие знают, что этот минарет и это кладбище – безмолвные свидетели подвига, почти баснословного.

Именно здесь в персидскую кампанию 1805 года, русский отряд в четыреста человек под командой полковника Карягина, выдержал нападение двадцатитысячной персидской армии и с честью вышел из этого слишком неравного боя.

Кампания началась с того, что неприятель перешёл Араке у худоперинской переправы. Прикрывавший её батальон семнадцатого егерского полка под командой майора Лисаневича не в силах был удержать персиян и отступил в Шушу. Князь Цицианов тотчас отправил на помощь к нему другой батальон и два орудия под командой шефа того же полка полковника Карягина, человека, закалённого в битвах с горцами и персиянами. Сила обоих отрядов вместе, если бы им удалось соединиться, не превышала девятисот человек, но Цицианов хорошо знал дух кавказских войск, знал их предводителей и был спокоен за последствия.

Карягин выступил из Елизаветполя двадцать первого июня и через три дня, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии под начальством сардаря Пир-Кули-хана. Так как здесь было не более трёх-четырёх тысяч, то отряд, свернувшись в каре, продолжал идти своей дорогой, отражая атаку за атакой.

Военная история имеет немного примеров, где отряд, окружённый во сто раз сильнее неприятелем, не принял бы почётной капитуляции. Но под вечер вдали показались главные силы персидской армии, от пятнадцати до двадцати тысяч, предводимые Аббас-Мирзой, наследником персидского царства. Продолжать дальнейшее движение русскому отряду стало невозможно, и Карягин, осмотревшись кругом, увидел на берегу Аскорани высокий курган с раскинутым на нём татарским кладбищем – место, удобное для обороны. Он поспешил его занять и, наскоро окопавшись рвом, загородил все доступы к кургану повозками из своего обоза. Персияне не замедлили повести атаку, и их ожесточенные приступы следовали один за другим без перерыва до самого наступления ночи. Карягин удержался на кладбище, но это стоило ему ста девяноста семи человек, то есть почти половины отряда.

«Пренебрегая многочисленностью персиян, – писал он в тот же день Цицианову, – я проложил бы себе дорогу штыками в Шушу, но великое число раненых людей, коих поднять не имею средств, делает невозможным всякую попытку двинуться с занятого мной места».

Потери персиян были громадны. Аббас-Мирза увидел ясно, во что ему обойдётся новая атака русской позиции, и потому, не желая напрасно тратить людей, наутро ограничился канонадой, не допуская мысли, чтобы такой малочисленный отряд мог продержаться более суток.

Действительно, военная история немного представляет примеров, где отряд, окружённый во сто раз сильнее неприятелем, не принял бы почётной капитуляции. Но Карягин сдаваться не думал. Правда, сначала он рассчитывал на помощь со стороны карабагского хана, но скоро от этой надежды пришлось отказаться: узнали, что хан изменил и что сын его с карабагской конницей находится уже в персидском стане.

Цицианов пытался обратить карабагцев к исполнению обязательств, данных русскому государю, и, притворяясь незнающим об измене татар, призвал в своей прокламации к карабагским армянам: «Неужели вы, армяне Карабага, доселе славившиеся своей храбростью, переменились, сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами... Опомнитесь! Вспомните прежнюю вашу храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабагцы, как были прежде страхом для персидской конницы».

Но всё было тщетно, и Карягин оставался в том же положении, без надежды получить помощь из Шушинской крепости. На третий день, двадцать шестого июня, персияне, желая ускорить развязку, отвели у осаждённых воду и поставили над самой рекой четыре фальконетные батареи, которые день и ночь обстреливали русский лагерь. С этого времени положение отряда становится невыносимым, и потери быстро начинают увеличиваться. Сам Карягин, контуженный уже три раза в грудь и в голову, был ранен пулей в бок навывлет. Большинство офицеров также выбыло из фронта, а солдат не

осталось и ста пятидесяти человек, годных к бою. Если прибавить к этому мучения жажды, нестерпимый зной, тревожные и бессонные ночи, то почти непонятным становится грозное упорство, с которым солдаты не только бесповоротно переносили невероятные лишения, но находили ещё в себе достаточно сил, чтобы делать вылазки и бить персиян.

В одну из таких вылазок солдаты под командой поручика Ладинского проникли даже до самого персидского лагеря и, овладев четырьмя батареями на Аскорани, не только добыли воду, но и принесли с собой пятнадцать фальконетов.

«Я не могу без душевного умиления вспомнить, – рассказывает сам Ладинский, – что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких слов: «Пойдём, ребята, с Богом! Вспомним русскую поговорку, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале». Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была тёмная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвёртой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса, мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, наорал (набрал. – Ред.) воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду».

Успех этой вылазки превзошёл самые смелые ожидания Карягина. Он вышел благодарить храбрых егерей, но, не находя слов, кончил тем, что перецеловал их всех перед целым отрядом. К общему сожалению, Ладинский, уцелевший на вражеских батареях при исполнении своего дерзкого подвига, на следующий же день был тяжело ранен персидской пулей в собственном лагере.

Четыре дня стояла горсть героев лицом к лицу с персидской армией, но на пятый обнаружился недостаток в патронах и в продовольствии. Солдаты съели в этот день последние свои сухари, а офицеры давно уже питались травой и кореньями.

В этой крайности Карягин решился отправить сорок человек на фуражировку в ближайшие селения, с тем чтобы они добыли мяса, а если можно, и хлеба. Команда пошла под начальством офицера, не внушавшего к себе большого доверия. Это был иностранец неизвестно какой национальности, называвший себя русской фамилией Лисенков; он один из всего отряда, видимо, тяготился своим положением. Впоследствии из перехваченной переписки оказалось, что это был действительно французский шпион.

Предчувствие какого-то горя овладело в лагере решительно всеми. Ночь провели в тревожном ожидании, а к свету двадцать восьмого числа явились из посланной команды только шесть человек – с известием, что на них напали персияне, что офицер пропал без вести, а остальные солдаты изрублены. Роковая неудача эта произвела потрясающее впечатление на отряд, потерявший тут из небольшого числа оставшихся после защиты людей сразу тридцать пять отборных молодцов; но энергия Карягина не поколебалась.

«Что делать, братцы, – сказал он собравшимся вокруг него солдатам, – гореваньем беды не поправишь. Ложитесь-ка спать да помолитесь Богу, а ночью будет работа». Слова Карягина так и были поняты солдатами, что ночью отряд пойдёт пробиваться через персидскую армию, потому что невозможность держаться на этой позиции была для всех очевидна, с тех пор как вышли сухари и патроны.

Карягин действительно собрал военный совет и предложил пробиться к Шах-Булахскому замку, взять его штурмом и там отсиживаться в ожидании выручки. Армянин Юзбаш брался быть проводником отряда. Для Карягина сбылась в этом случае русская поговорка: «Кинь хлеб-соль назад, а она очутится впереди». Он сделал когда-то большое

одолжение одному елизаветпольскому жителю, сын которого до того полюбил Карягина, что во всех походах находился при нём безотлучно и, как увидим, играл видную роль во всех дальнейших событиях.

Предложение Карягина было принято единодушно. Обоз оставили на разграбление неприятелю, но фальконеты, добытые с боя, тщательно зарыли в землю, чтобы их не нашли персияне. Затем, помолившись Богу, зарядили картечью орудия, забрали на носилки раненых и тихо, без шума, в самую полночь на двадцать девятое июня, выступили из лагеря.

По недостатку лошадей егеря тащили орудия на лямках. Верхами ехали только три раненых офицера: Карягин, Котляревский и поручик Ладинский, да и то потому, что солдаты сами не допустили их спешиться, обещая на руках вытаскивать пушки, где это будет нужно. И мы увидим дальше, как честно исполнили они своё обещание.

Пользуясь темнотой ночи и горными тущобами, Юзбаш некоторое время вёл отряд совершенно скрытно. Но персияне скоро заметили исчезновение русского отряда и даже напали на след, и только непроглядная темень, буря и особенно ловкость проводника ещё раз спасли отряд Карягина от возможности истребления. К свету он был уже у стен Шах-Булаха, занятого небольшим персидским гарнизоном, и, пользуясь тем, что там все ещё спали, не помышляя о близости русских, сделал залп из орудий, разбил железные ворота и, кинувшись на приступ, через десять минут овладел крепостью. Начальник её, Эмир-хан, родственник наследного персидского принца, был убит, и тело его осталось в руках русских.

Едва отгремели раскаты последних выстрелов, как вся персидская армия, по пятам преследовавшая Карягина, показалась в виду Шах-Булаха. Карягин приготовился к бою. Но прошёл час, другой томительного ожидания – и, вместо штурмовых колонн, перед стенами замка появились персидские парламентёры.

Аббас-Мирза обращался к великодушию Карягина и просил о выдаче тела убитого

родственника.

– С удовольствием исполню желание его высочества, – ответил Карягин, – но с тем чтобы и нам были выданы все наши пленные солдаты, захваченные в экспедиции Лисенкова.

– Шах-Заде (наследник) это предвидел, – возразил персиянин, – и поручил мне передать искреннее его сожаление. Русские солдаты все до последнего человека легли на месте сражения, а офицер на другой день умер от раны.

Это была ложь, Лисенков, как было известно, находился в персидском лагере. Тем не менее Карягин приказал выдать тело убитого хана и только прибавил:

– Скажите принцу, что я ему верю, но что у нас есть старая пословица: «Кто солжёт, тому да будет стыдно», наследник же обширной персидской монархии краснеть перед нами, конечно, не захочет.

Тем переговоры и окончились. Персидская армия обложила замок и начала блокаду, рассчитывая голодом принудить Карягина сдаться. Четыре дня питались осаждённые травой и конским мясом, но наконец съедены были и эти скудные запасы. Тогда Юзбаш явился с новой неоценимой услугой: он ночью вышел из крепости и, пробравшись в армянские аулы, известил Цицианова о положении отряда. «Если ваше сиятельство не поспешит на помощь, – писал при этом Карягин, – то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода».

Донесение это сильно встревожило князя Цицианова, не имевшего при себе ни войск, ни продовольствия, чтобы идти на выручку.

«В отчаянии неслыханном, – писал он Карягину, – прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами Божьими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что моё прискорбие превышает всякое воображение».

Письмо это было доставлено тем же Юзбашем, который благополучно возвратился в замок, принеся с собой и небольшое количество провизии. Карягин разделил этот запрос поровну между всеми чинами гарнизона, но его хватило только на сутки. Юзбаш стал отправляться тогда уже не один, а с целыми командами, которые счастливо проводил по ночам мимо персидского лагеря. Однажды русская колонна, впрочем, даже наткнулась на конный неприятельский разъезд; но, к счастью, густой туман позволил солдатам устроить засаду.

Как тигры бросились они на персиян и в несколько секунд истребили всех без выстрела, одними штыками. Чтобы скрыть следы этого побоища, они забрали лошадей с собой, кровь на земле засыпали, а убитых стащили в овраг, где закидали землёй и кустарником. В персидском лагере так ничего и не узнали об участии погибшего разъезда.

Несколько подобных экскурсий позволили Карягину продержаться ещё целую неделю без особенной крайности. Наконец Аббас-Мирза, потеряв терпение, предложил Карягину большие награды и почести, если он согласится перейти в персидскую службу и сдаст Шах-Булах, обещая, что никому из русских не будет нанесено ни малейшей обиды. Карягин просил четыре дня на размышление, но с тем чтобы Аббас-Мирза во все эти дни продовольствовал русских съестными припасами. Аббас-Мирза согласился, и русский отряд, исправно получая от персиян всё необходимое, отдохнул и оправился. «Я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников...»

Между тем истёк последний день перемирия, и к вечеру Аббас-Мирза прислал спросить Карягина о его решении. «Завтра утром пускай его высочество займёт Шах-Булах», – ответил Карягин. Как увидим, он сдержал своё слово.

Едва наступила ночь, как весь отряд, руководимый опять Юзбашем, вышел из Шах-Булаха, решившись перебраться в другую крепость, Мухрат, которая по гористому местоположению и близости к Елизаветполю была удобнее для защиты. Окольными дорогами, по горам и тущобам, отряду удалось обойти персидские посты так скрытно, что неприятель заметил обман Карягина только под утро, когда авангард Котляревского, составленный исключительно из одних раненых солдат и офицеров, уже был в Мухрате, а сам Карягин с остальными людьми и с пушками успел миновать опасные горные ущелья.

Если бы Карягин и его солдаты не были проникнуты поистине геройским духом, то, кажется, одних местных трудностей было бы довольно, чтобы сделать совершенно невозможным всё предприятие. Вот, например, один из эпизодов этого перехода, факт, стоящий одиноко даже и в истории кавказской армии.

В то время, когда отряд ещё шёл по горам, дорогу пересекла глубокая промоина, через которую невозможно было переправить орудия. Перед ней остановились в недоумении. Но находчивость кавказского солдата и безграничное его самопожертвование выручили и из этой беды.

– Ребята! – крикнул вдруг батальонный запевала Сидоров. – Чего же стоять и задумываться? Стоя города не возмёшь, лучше послушайте, что я скажу вам: у нашего брата пушка – барыня, а барыне надо помочь, так перекачим-ка её на ружьях.

Одобрительный шум пошёл по рядам батальона. Несколько ружей тотчас же были воткнуты в землю штыками и образовали сваи, несколько других положены на них, как переводины, несколько солдат подпёрли их плечами, и импровизированный мост был готов. Первая пушка разом перелетела по этому в буквальном смысле живому мосту и только слегка помяла молодецкие плечи, но вторая сорвалась и со всего размаху ударила колесом по голове двух солдат. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своей жизнью. В числе их был и батальонный запевала Гаврила Сидоров.

Мужество полковника Карягина спасло Грузию от наводнения её персидскими полчищами

Как ни торопился отряд с отступлением, однако же солдаты успели вырыть глубокую могилу, в которую офицеры на руках опустили тела погибших сослуживцев. Сам Карягин благословил этот последний приют почивших героев и поклонился ему до земли...

Между тем Юзбаш, всё время наблюдавший окрестности, подал знак, что персияне уже недалеко. Действительно, едва русские дошли до Кассанет, как персидская конница уже надела на отряд, и завязалась такая жаркая схватка, что русские орудия несколько раз переходили из рук в руки... К счастью, Мухрат уже был близко и Карягин ночью успел отступить к нему с небольшой потерей.

Отсюда он тотчас написал Цицианову: «Теперь я от атак Баба-хана совершенно безопасен по причине того, что здесь местоположение не позволяет ему быть с многочисленными войсками».

В то же самое время Карягин отправил письмо к Аббас-Мирзе в ответ на предложение его перейти в персидскую службу. «В письме своём изволите говорить, – писал ему Карягин, – что родитель ваш имеет ко мне милость; а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, поседевший под ружьём, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества».

Мужество полковника Карягина принесло громадные плоды. Задержав персиян в Карабаге, оно спасло Грузию от наводнения её персидскими полчищами и дало возможность князю Цицианову собрать войска, рассеянные по границам, и открыть наступательную кампанию.

Тогда и Карягину явилась, наконец, возможность покинуть Мухрат и отступить к селению Маздыгерт, где главнокомандующий принял его с чрезвычайными военными почестями. Все войска, одетые в парадную форму, были выстроены развёрнутым фронтом, и, когда показались остатки храброго отряда, Цицианов сам скомандовал: «На караул!» По рядам гремело «Ура!», барабаны били поход, знамёна приклонялись...

Обходя раненых, Цицианов с участием расспрашивал об их положении, обещал донести о чудесных подвигах отряда государю, а поручика Ладинского тут же поздравил кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени. Государь пожаловал Карягину золотую шпагу с надписью «За храбрость», а армянину Юзбашу чин прапорщика, золотую медаль и двести рублей пожизненной пенсии.

...

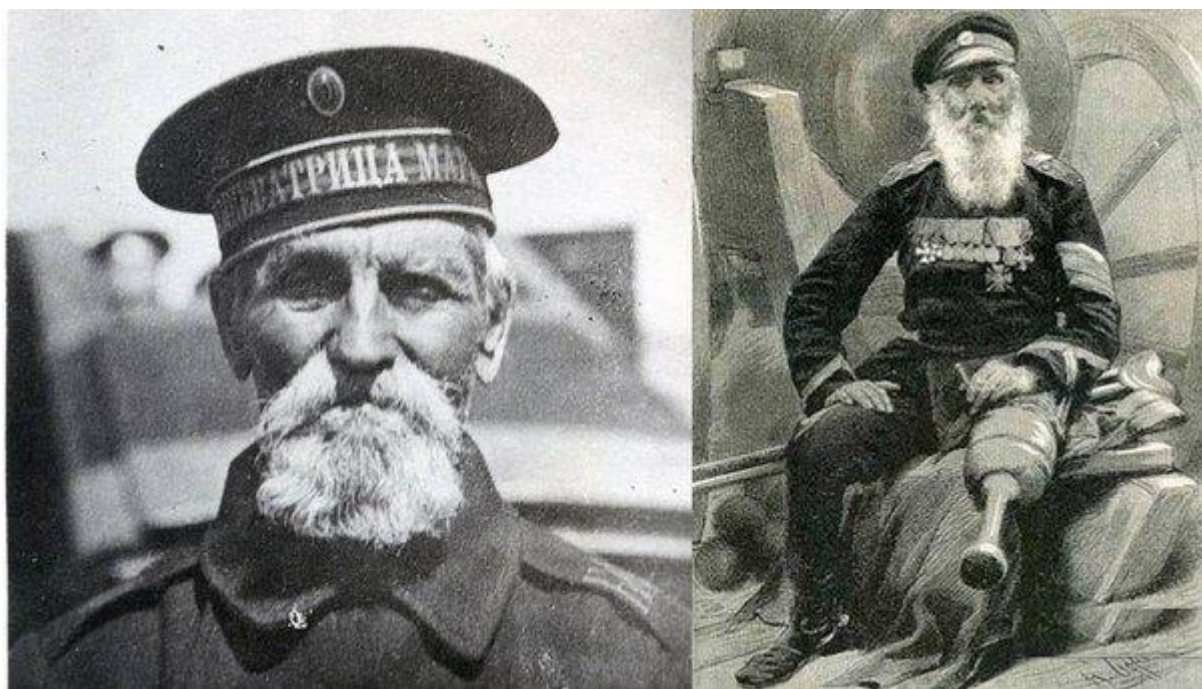
В заключение считаем не лишним прибавить, что Карягин начал свою службу рядовым в Бутырском пехотном полку во время турецкой войны 1773 года и первые дела, в которых он участвовал, были блистательные победы Румянцева-Задунайского. Здесь под впечатлением этих побед Карягин впервые постиг великую тайну управлять в бою сердцами людей и почерпнул ту нравственную веру в русского человека и в себя самого, с которой впоследствии он, как древний римлянин, никогда не считал своих неприятелей.

Автор: Василий ПОТТО

Первоисточник: <http://www.redstar.ru/index.php/2011-07-25-15-55-35/item/30920-dvum-smertyam-ne-byvat>

Биография русского сверхчеловека

Источник: <http://seoforyou.livejournal.com/615938.html>

Василий Николаевич Кочетков (1785–1892), «солдат трех императоров», прожил 107 лет, из которых более 60 лет он провел на действительной военной службе солдатом. Мундир Кочеткова был уникален: на его погонах сплелись вензеля трех императоров, которым присягал старый служака. На рукаве мундира в

восемь рядов шли золотые и серебряные нашивки за выслугу и отличия, а на шее и груди едва умещались 23 креста и медали.

Родился Василий Николаевич Кочетков в Симбирской губернии Курмышского уезда в 1785 году. Кочетков был из кантонистов (солдатский сын). Кантонисты со дня рождения находились в списках военного ведомства.

Начал служить 7 марта 1811 года музыкантом.

Он с боями прошел всю Отечественную войну 1812 года. Потом в составе лейб-гвардии Павловского полка дрался с турками в войне 1828—1829 годов.

Переведен в лейб-гвардии конно-пионерный (инженерный) дивизион. В 1836 году, при жизни А.С.Пушкина, Василий Кочетков уже отслужил положенные ему 25 лет, но из армии не ушел.

В 1843 году 58-летний солдат оказывается на Кавказе. Ему предписано использовать незаурядный военный опыт и учить солдат наводить, укреплять и разводить понтонные мосты на «быстрых реках». Василий Кочетков зачислен в славный Нижегородский драгунский полк. На Кавказе он был трижды ранен: дважды в обе ноги и в шею навывлет. Тяжело раненный, не способный двигаться, он попадает в плен.

Выздоровев, Кочетков бежит из плена, проявив редкую находчивость, предусмотрительность и отвагу. В 64 года по экзамену бывалый солдат был произведен в офицеры. Однако Кочетков отказался от эполет, ему дороги были его солдатские погоны, и через два года вышел в отставку, после 40 лет действительной службы, в возрасте 66 лет.

В 1853 году началась так называемая Крымская война. Василий Кочетков просится на войну и в рядах Казанского егерского полка сражается на Корниловском бастионе, в самом пекле Севастопольской обороны. Здесь его ранило разорвавшейся бомбой.

По личному указу царя, который уже был знаком с Василием Николаевичем, Кочетков вновь переведен в гвардию и служит в драгунах. Минуло почти десять лет, и Василий Николаевич Кочетков подает докладную записку царю и просит «высочайшего соизволения» идти на войну. Так он оказался из гвардии вновь в любимой полевой действующей армии в Туркестанской конно-артиллерийской бригаде фейерверкером первого класса. Ему шел 78-й год.

Двенадцать лет Кочетков служил в Средней Азии, участвовал в боях за Туркестан и Самарканд, а в 1874 году в отряде под командой генерал-адъютанта Кауфмана, проделав марш через пустыню, брал Хиву. В 1874 году по указу государя переводится в конвойные императорского поезда.

В 1876 году против турецкого ига восстали Сербия с Черногорией. Пять тысяч русских добровольцев отправились на помощь братским славянским народам. Кочетков вновь уговорил царя отпустить его на войну. «Служивый» в свои 92 года сражался в первых рядах, увлекаая за собой добровольцев.

Не успел он отдохнуть на родине от ратных дел, как грянула русско-турецкая война 1877—1878 годов. 93-летний Кочетков сражался на Шипке в составе 19-й конно-артиллерийской бригады. На Шипке Кочетков от взрыва бомбы лишился левой ноги. Он выжил и еще послужил в лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады и дожил до 107 лет.

Он и умер-то «в походе», будучи проездом в городе Белозерске Новгородской губернии, 30 мая 1892 года от паралича сердца. В его вещах нашли копию приказа об увольнении в отставку с перечислением всех чинов, наград и походов. Этот блестящий послужной список вместе с уважительным некрологом, в котором Василий Кочетков был назван самым заслуженным ветераном русской армии, был опубликован на страницах «Правительственного вестника».

Tags: [Василий Николаевич Кочетков](#), [ветеран](#), [герои](#), [история](#), [сверхчеловек](#)

Её дважды казнили фашисты...

Источник: <http://back-in-ussr.com/2016/11/ee-dvazhdy-kaznili-fashisty.html>

Её дважды казнили гитлеровцы, и боевые товарищи долгие годы считали её погибшей и даже поставили памятник. Когда она стала разведчицей в партизанском отряде 2-й Белорусской бригады, ей не было ещё и десяти лет.

Маленькая,

худенькая, она, прикидываясь нищенкой, бродила среди фашистов, всё подмечая и запоминая, и приносила в отряд ценнейшие сведения. А потом вместе с бойцами-партизанами взрывала фашистский штаб, пускала под откос эшелон с военным снаряжением, минировала объекты. В последующих операциях ей доверили оружие — ходила с пистолетом и гранатой за поясом. В одном из ночных боёв спасла раненого командира разведотделения Ферапонта Слесаренко.

Шла Великая Отечественная война. Приближался праздник 7-го ноября — День Октябрьской революции. На собрании партизанского отряда, обсуждали, кто пойдет в город Витебск и вывесит в честь праздника красные флаги на зданиях, в которых жили фашисты. В Витебске гитлеровцы держали много советских военнопленных, и установили в городе такие законы, при которых каждый день гибли дети, старики, женщины.

— Если мы вывесим красные флаги на праздник, то все увидят, что мы боремся с немецко-фашистскими захватчиками, и эта борьба будет продолжаться до последней капли крови. — говорил командир партизан Михаил Иванович Дьячков.

Фашисты тщательно охраняли подходы к городу, обыскивали каждого, и даже обнюхивали. Если у подозреваемого шапка пахла дымом или порохом, считали его партизаном и расстреливали на месте. К детям внимания было меньше, поэтому решили поручить это задание Богдановой Наде и Ване Звонцову — проверенным разведчикам, которым было всего по одиннадцать лет.

На рассвете седьмого ноября, партизаны подвезли детей поближе к Витебску. Дали санки

в которых были аккуратно уложены метлы, среди них три метлы в основания которых намотаны красные флаги, а сверху- прутья. Легенда была такая: дети идут продавать метлы. В город Надя и Ваня вошли без проблем, на маленьких ребят с саночками, никто из фашистов особого внимания не обращал.

Чтобы снять с себя подозрения глядящих в их сторону немцев, Надя с санками подошла к группе фашистов и предложила им купить метлы. Те стали смеяться и тыкать дулами автоматов в ее сторону, а один из них грозно сказал: Дафай убегайтен отсюда.

Надя чувствовала, что Ваня побаивается, и как могла его подбадривала:

— Ты главное делай, то что я тебе говорю и не думай ни о чем плохом. А если тебе будет страшно, бери меня за руку,- говорила Надя

— Я и не боюсь — отвечал Ваня, а сам раз за разом хватался за руку Нади.

Весь день они ходили по городу и присматривались к зданиям в центре города, куда можно было бы поставить красные флаги. Когда наступил вечер и стало темно, они принялись за работу. За ночь ребята установили флаги на железнодорожный вокзал, ремесленное училище и папиросную фабрику. Когда наступил рассвет, на этих зданиях уже развивались наши флаги. Надя и Ваня были счастливы, они торопились скорее в партизанский отряд, доложить о выполненном задании. Дети уже покинули город, вышли на большую дорогу, но тут их догнали фашистские полицаи) и закричали:

— Стоять! Кто такие?

— Сироты мы, дяденька- заплакал Ваня, — подайте хлебушка, очень кушать хочется.

— Я вам дам хлебушка! Сволочи, это вы красные флаги вывесили в Витебске? – спросил полицай.

— Нет что вы. Посмотрите на нас откуда у нас могут быть флаги?-ответила Надя.

— Полезайте в сани, мы с вами в городе разберемся,- приказал полицай.

Ребята всю дорогу плакали и терли кулаками глаза. В штабе их допрашивал фашист. Когда ребята рассказали свою легенду, немец стал кричать, что они партизаны, после чего приказал Надю и Ваню расстрелять. Ребята так и не сознались и ни кого не выдали. Их поместили в подвал, где находилось много наших военнопленных. На следующий день всех вывели за город и стали расстреливать. Наши военнопленные кричали фашистам чтобы они Надю и Ваню не трогали и когда ребят поставили возле огромного рва пытались их закрыть своими телами.

Вот Надя с Ваней стоят у рва и в них целятся фашисты. Ребята держатся за руки и плачут. В голове у Нади что-то щелкнуло, в глазах помутилось, она почувствовала, что проваливается в пропасть.....

...Очнулась девочка во рву среди убитых. Оказывается за доли секунды до выстрела фашистов, она потеряла сознание и упала в обморок, это спасло ей жизнь. Надя выбиралась из рва, поднималась и падала, ползла, снова поднималась. Сил не было.

— Ребята она живая- Надя услышала над собой чей-то знакомый голос. Это ее нашел дядя Степан из их партизанского отряда. Он взял ее на руки и положил в сани, Надя снова потеряла сознание.....

После этого случае в партизанском отряде ее стали беречь, ни в разведку ни на боевые задания не отправляли. Вспоминая о погибшем Ване, Надя всегда плакала, как только могут плакать одиннадцатилетние девочки. Ей было жаль Ваню, ей часто снилось, как он смеется, как будто они играют в снежки....

Надя крепилась, в отряде она вместе со взрослыми училась стрелять по мишеням, кидать гранаты. Там же в отряде она присягала на верность своему народу и целовала красное знамя.

— Я буду мстить фашистам за Ваню, за погибших товарищей и за всех советских людей, - сказала она командиру партизанского отряда. И она мстила! Взлетали от взрывов немецкие склады, горели дома, где жили фашисты, летели под откос вражеские эшелоны. Это Надя Богданова с товарищами вели свою войну с гитлеровцами. Фашисты очень боялись партизан, да и на фронте, было не так просто, как задумывали гитлеровцы. Красная Армия давала отпор фрицам на всех фронтах. Поэтому основные села и города немцы старались превратить в крепости. Одна из таких крепостей фашистов была деревня Балбеки. Немцы наставили там огневых точек, заминировали дороги, вкопали в землю танки... Необходимо было провести разведку и установить, где у немцев замаскированы пушки, пулеметы, где стоят часовые, с какой стороны лучше атаковать деревню. Командование решило отправить Надю и начальника разведки партизан Феропонта Слесаренко. Надя переодевшись в побирушку обойдет деревню, а Слесаренко прикроет ее отход в лесочке неподалеку от деревни. Часовые – фашисты легко пропустили девочку в деревню, мало ли бездомных ходит в мороз по деревням, собирают продукты, чтобы хоть как – то прокормиться. Надя обошла все дворы, насобираала подаяния и запомнила все что нужно. Вечерело, она вернулась в лесок, где к дяде Феропонту, и увидела там весь партизанский отряд. Они ждали от нее сведений. Юная разведчица рассказала все в подробностях и показала с какой стороны лучше атаковать деревню.

Партизанский отряд ударил ночью по фашистам с обеих сторон села: пулеметные очереди рассыпались тут и там, было слышно как орут обезумевшие гитлеровцы – это партизаны мстили фашистам за нашу истерзанную Родину, за погибших советских людей. Фашисты выскакивали из домов в нижнем белье, что-то кричали и пытались удрать по белому снегу подальше от деревни, но их все равно настигали пули партизан. Надя впервые участвовала в ночном бою, правда Слесаренко не отпускал ее от себя ни на шаг. И вдруг его ранило. Слесаренко упал и на какое – то время потерял сознание, Надя перевязала ему рану, в небо взмыла зеленая ракета – это был сигнал командира для всех партизан отходить в лес. Слесаренко сказал Наде:

— Надя брось меня! Уходи в лес!

— Нет, я вас вытащу — сказала Надя, она поднатужилась и смогла только приподнять Слесаренко, сил девочки не хватало.

— Оставь меня слышишь? Мы так оба погибнем, ты должна идти... позовешь наших... запомни это место. Я приказываю тебе!-уже грозно сказал начальник разведки. Надя нарвала еловых веток, сделала из них постель для дяди Феропонта, уложила его и пошла.

Надя побежала в партизанский отряд, ночью, в мороз. До отряда было примерно 10 километров ходу, ветер хлестал ей лицо, она проваливалась в сугробах, но шла вперед. Вдруг она увидела небольшой хуторок, домик и свет в окне. Возле дома стояла лошадь с санями. Именно то что нужно,- подумала она. Тихонько подкравшись, к дому, она заглянула в окно и увидела, как за столом ужинают несколько полицейских. Заслышав конский топот, полицейши – предатели выскочили на крыльцо, но Надя была уже далеко и

догнать они ее не смогли. Она нашла Слесаренко на том же месте где и оставила его. Они вместе благополучно добрались до партизанского отряда. Так Надя, рискуя своей жизнью, спасла своего боевого товарища.

Надя смогла бы совершить еще много дел для скорейшего освобождения нашей Родины от фашистов, но в феврале 1942 года, она рассталась со своими боевыми товарищами. Ей вместе с подрывниками партизанами был дан приказ уничтожить железнодорожный мост. Когда девочка заминировала его и начала возвращаться в отряд, ее остановили полицаи, Надя стала прикидываться нищенкой, тогда они обыскали ее и нашли в Надином рюкзаке кусок взрывчатки. Когда стали спрашивать ее что это, раздался сильнейший взрыв и мост прямо на глазах у полицаев взлетел на воздух. Полицаи поняли, что это Надя заминировала его. Ее связали, положили в сани и повезли в гестапо. Там ее долго пытали, выжигали на спине звезду, обливали на морозе ледяной водой, бросали на раскаленную печь... Вся в крови, замученная, обессиленная маленькая девочка никого не предала. Она выдержала все пытки и фашисты решили, что она мертва и выбросили ее на мороз. Надю подобрала жители села, выходили, вылечили. Но воевать ей было уже нельзя, она практически потеряла зрение. По окончании войны Надя несколько лет пролежала в Одесском госпитале, где ей вернули зрение.

Надя пошла работать на завод и никому не рассказывала, о том, как она воевала с фашистами. После войны прошло уже больше 15 лет. Надя и те, с кем она работала, услышали по радио, как начальник разведки 6-го партизанского отряда Ферапонт Слесаренко — её командир — говорил, что никогда не забудут бойцы своих погибших товарищей, и назвал среди них Надю Богданову, которая ему, раненому, спасла жизнь... Только тогда и объявилась она, только тогда и узнали люди, работавшие с нею вместе, о том, какой удивительной судьбы человек она, Надя Богданова, награжденная орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, медалями.

Надежды Александровны нет в живых, она умерла уже в мирное время. Но мы всегда будем помнить, как маленькая одиннадцатилетняя девочка сражалась за Родину, за то что бы мы с вами могли жить в этом мире и радоваться жизни. За то чтобы наша страна жила, просто жила.....

Вечная тебе память, Надежда Богданова.